

Научная статья

УДК 821. 161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-105-117

**Самозванный сюжет в самоопределении Марины Цветаевой:
история и ее метапоэтический потенциал
(на материале книги стихов «Версты. Вып. 1»)**

Светлана Юрьевна Корниенко

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

sve-kornienko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1256-683X>

Аннотация

Статья посвящена образу самозванцев в лирике Цветаевой 1916 г. Феномен самозванства приобретает в цветаевском творчестве метапоэтический характер, в образы знаменитых мятежников (Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек) поэтесса вписывает важные представления о том, что такое модернистский художник, для которого характерны трансгрессия, способность бесконечно поэтически перерождаться в новых телах-текстах. Для цветаевского самозванного сюжета характерна артикуляция важной проблемы связи имени и сущности, души и тела. Образ inferнальной странницы, шествующей вместе с «серебряным ребенком» и потерявшей все (и имя, и жизнь), но сохранившей сущность – способность перерождаться, появляется в стихотворении «По дорогам, от мороза звонким...» (1916).

В статье исследуются источники цветаевской образности: связь с романом Андрея Белого «Серебряный голубь», трактатами историков-родственников (Д. И. Иловайского и Д. В. Цветаева). В романе Белого для Цветаевой значим мистериальный образ «голубино дитятки», имеющий мистериальную природу, в трудах историков подчеркивалась значимость «Маринкиного сына» для дальнейших претензий самозванки на русский престол. С цветаевским вариантом самозванного сюжета находились в диалоге такие модернистские поэты, как С. Парнок и М. Волошин. В работе исследуется цветаевское влияние на творческие решения ее современников, включивших в образы своих самозванок и самозванцев цветаевские черты: и биографические, и поэтические. Цветаевское оригинальное решение этого образа включает не только традиционное черно-книжие и способность к перерождению, но и особый акцент на материнстве, связанный и с гендерными преимуществами поэта-женщины, и с материнством самой поэтессы, ждущей в момент написания стихотворения ребенка, воображаемого сына. Поэтому образ «царственного серебряного ребенка» в лирике Цветаевой 1916 г. может быть прочитан и в конкретном биографическом ключе, как отсылка к образам собственных детей: четырехлетней Ариадны и еще одного младенца, таящегося во чреве женщины-поэта.

© Корниенко С. Ю., 2025

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4. С. 105–117
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 105–117

Литературная жизнь сюжета

Ключевые слова

самозванный сюжет, поэзия Марины Цветаевой, поэзия Максимилиана Волошина, метафоры творчества

Для цитирования

Корниенко С. Ю. Самозванный сюжет в самоопределении Марины Цветаевой: история и ее метапоэтический потенциал (на материале книги стихов «Версты. Вып. 1») // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4. С. 105–117. DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-105-117

The Plot of Impostors in Marina Tsvetaeva's Self-Definition: History and Its Metapoetic Potential (Based on the Book of Poems "Versts. Issue 1")

Svetlana Yu. Kornienko

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

sve-kornienko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1256-683X>

Abstract

This article examines the theme of impostors in Tsvetaeva's 1916 poetry, in which the phenomenon of imposture acquires a metapoetic dimension. In Tsvetaeva's work the images of famous rebels, Dmitry the Pretender (the False Dmitry) and Marina Mnishchek get the key features of the modernist artist, such as transgression and the capacity for endless poetic reincarnation in new "bodies" (texts). Tsvetaeva's use of the impostor plot highlights the crucial connection between name and essence, soul and body. The poem «По дорогам, от мороза звонким...» ("Po dorogam, ot moroza zvonkim", *Along Roads, Ringing with Frost...*) (1916) features an infernal wanderer, walking with a 'silver child' and having lost everything (both name and life), yet retaining her essence – the ability to be reborn. This article explores the sources of Tsvetaeva's imagery, connecting it to Andrei Bely's novel *The Silver Dove* and the historical works of D. I. Ilovaisky and D. V. Tsvetaev. Drawing on the mystical image of the 'dove's child' from Bely's novel and the historians' emphasis on 'Marinka's son', Tsvetaeva creates her unique interpretation of the plot.

The article also considers Tsvetaeva's influence on her contemporaries, such as S. Parnok and M. Voloshin, who incorporated her biographical and poetic features into their impostor figures. Unlike traditional interpretations that focus on black magic and reincarnation, Tsvetaeva uniquely emphasizes motherhood, linked not only to the gender privileges of the female poet but also to the motherhood of the poet herself, her own experience of pregnancy at the time of writing and her imaginary son. Therefore, the image of the 'royal silver child' in Tsvetaeva's 1916 lyric can also be read in a specific biographical context, as a reference to the images of her own children: four-year-old Ariadna and the unborn infant.

Keywords

the plot of impostors, the poetry of Marina Tsvetaeva, the poetry of Maximilian Voloshin, metaphors of creativity

For citation

Kornienko S. Yu. The Plot of Impostors in Marina Tsvetaeva's Self-Definition: History and Its Metapoetic Potential (Based on the Book of Poems "Versts. Issue 1"). *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 105–117. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-105-117

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4

Самозванство – один из ключевых лейтмотивов лирики Марины Цветаевой, в ее поэтике всегда приобретающий метапоэтический потенциал. Через этот историко-культурный феномен поэтесса пытается решить комплекс волнующих вопросов: от прав художника на символическую власть до онтологических соответствий (имени и сущности, духа – души – тела). Как широко известно, Цветаева была убеждена и неоднократно транслировала через тексты самой различной природы, что была названа матерью в честь знаменитой спутницы трех исторических самозванцев – Марины Мнишек¹.

В круг цветаевского чтения, связанного с обозначенным историческим сюжетом, кроме сугубо литературных текстов, описанных в исследованиях, посвященных ее творчеству [Шевеленко, 2002, с. 115–116; Мейкин, 1997, с. 152–158], также входят исторические сочинения (Н. Карамзин, Д. Иловайский, Д. Мордовцев)² и романы (А. К. Толстой, Д. Мордовцев). В ранее опубликованной нами статье³, где описан самозванный сюжет в книге стихов «Ремесло» (1923), с опорой на черновые редакции стихотворений были выявлены ядро и периферия образно-сюжетного комплекса и сделан вывод, что в эффектном образе «Лжемарины», неожиданно проявившейся среди тающих снегов цикла «Сугробы» (1922), представлена уже не историческая самозванка. В этом флюидном образе Цветаева реализовала метафору поэтического творчества и проговорила комплекс требований к подлинному поэту, в которые входит необходимость трансформации, тотальной трансгрессии, отказ от *имени* и даже человеческой природы в пользу *сущности*, выраженной бесконечностью поэтических перерождений в чужих именах и телах.

Однако описанная на примере книги стихов «Ремесло» модель трансформации сюжета исторического в метапоэтический была осуществлена уже в предыдущей поэтической книге («Версты. Вып. 1»), где присутствуют как условно исторические стихотворения («Марина» («Димитрий! Марина! В мире...»), «Кабы нас тобой да судьба свела...»), так и тексты, где в эхе описываемого сюжета, ослабленного за счет периферийности, содержится ценная цветаевская автоинтерпретация – представление себя как поэта и человека.

Стихотворение «По дорогам, от мороза звонким...» (1916) из книги стихов «Версты. Вып. 1» (1922) – с темой посмертного странствия мертвой среди живых, несущей «царственного серебряного ребенка», на первый взгляд универсально и лишено конкретных исторических примет. В цветаевской книге текст расположен в последней части, непосредственно соседствуя с «разбойничьим» стихотворением «Кабы нас с тобой да судьба свела...», где отражены эффектные образы

¹ Эффектный образ Марины Мнишек в окружении ее спутников появляется в двух сборниках Марины Цветаевой («Версты. Вып. 1»: «Марина» («Димитрий! Марина! В мире...»), «Кабы нас с тобой да судьба свела...»; «Ремесло»: «Как разгораются – каким валежником...», цикл «Марина») (Цветаева, 1990, с. 97–98, 132, 203–206).

² См. опубликованные ранее статьи: Корниенко С. Ю. Образ Марины Мнишек в исторической репрезентации Д. Иловайского и поэтике М. Цветаевой: от исторических штудий к персональному мифу // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 85–97; Корниенко С. Ю. Марина Мнишек в самоопределении Марины Цветаевой: от разбоя к метапоэзису // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 316–334.

³ Корниенко С. Ю. Самозванцы в снегах: образ Марины Мнишек в книге стихов Марины Цветаевой «Ремесло» // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 1. С. 69–83.

«самозванки и ее дружка», отсылающие к последнему периоду бурной жизни польской авантюристки (стремительному походу по южнорусским землям с атаманом Заруцким, увенчавшемуся взятием Астрахани)⁴.

В этом стихотворении будет максимально артикулирована волнующая Цветаеву и активно поэтически разрабатываемая ею в контексте самозванного сюжета проблема связи имени и сущности, души и тела:

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Всё – снег, всё – смерть, всё – сон.

Небо в розовом морозном дыме.
Было у меня когда-то – имя,
Было – тело – но не все ли – дым?

Голос был, горячий и глубокий...
Говорят, что тот голубоокий
Горностаевый ребенок – мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я в гробе
Досмотрела свой огромный сон
(Цветаева, 1990, с. 133).

Образ инфернальной странницы, посмертно шествующей с «серебряным ребенком» и потерявшей все, кроме сущности, – и имя, и тело, отсылает к образу «серебряного голубя» в актуальном для Цветаевой хлыстовстве⁵. Стихотворение будет включено сразу в два поэтических сборника: в качестве отдельного стихотворения – в «Версты. Вып. 1» (1922), в составе цикла «Стихи к дочери» – в берлинский сборник «Психея. Романтика» (1923). Последний факт указывает, что образ «царственного серебряного ребенка» может быть прочитан не только в мистическом, но и в конкретно-биографическом ключе – через отсылку сразу к двум дочерям: к четырехлетней Але⁶, которую Цветаева нередко представляла как «дитя моего духа» (Цветаева, 2012, с. 239), и еще нерожденной – в стихотворении выраженной через эпитет «глубокий» – Ирине⁷.

⁴ См.: (Цветаева, 1922, с. 112, 114). Стихотворение «Кабы нас с тобой да судьба свела...» датировано 25 октября, «По дорогам, от мороза звонким...» – 15 ноября 1916 г.

⁵ См. в позднем очерке «Хлыстовки» (1934): «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника» (Цветаева, 1997, т. 5, кн. 1, с. 97).

⁶ См. письмо М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона: «Об Але: она выросла до неузнаваемости и хороша как ангел. Лицо удлинилось и похудело, волосы почти русые, только с боков еще несколько прежних белых прядей» (Цветаева, 2012, с. 177). Портрет маленькой дочери глазами Цветаевой постоянно включал наряду с «ангеличностью», такие качества, как высокий «рост», «худоба», «неулыбчивость» (Цветаева, 2012, с. 179–180).

⁷ Сюжет «голос из чрева» генеалогически мистический и агиографический, см., например, его реализацию и объяснение в «Житии Сергия Радонежского»: «И свершилось некое чудо до рождения его: случилось нечто такое, что нельзя молчанию предать. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды – дело было в воскресенье – мать его вошла в церковь, как обычно, во время пения святой литургии. И стояла она с другими женщинами в при-

Для Цветаевой конца 1916 г., ждущей ребенка (сына)⁸, значимо материнство той исторической Марины последнего периода жизни. Большинство историков полагало, что для польской авантюристки с ним были связаны надежды о том, что она «вскоре снова будет коронована и воссядет на московском престоле в качестве матери и опекуниши малолетнего “царевича”» (Гиршберг, 1908, с. 351).

В монографии Д. В. Цветаева, родного дяди поэтессы, посвященной избранию Михаила Романова на царство, подчеркивается значимость «Маринкиного сына» для казачества (и одновременно неприемлемость этой фигуры для земщины и духовенства): «Иное было дело – казаки: сына “воровского-Калужского” они “примеривали” “обратить на государство”. Так поступали они не только по прежней службе его отцу Лжедимирию II, в царское происхождение которого многие из них могли искренне верить, но и потому, что за ним видели осуществление социально-экономических желаний, осуществления надлежащего, с их точки зрения, строя жизни» (Избрание Михаила Федоровича Романова..., 1913, с. 30).

Для исторического нарратива проф. Цветаева характерно обилие генерализующих конструкций («все было присуще основное желание», «широкие круги земщины и казачества дружно отрицали иностранную кандидатуру» и пр.), что, в принципе, свойственно правому политическому дискурсу. Подобная речевая установка вступает в конфликт с историческими фактами, представленными в этой же работе, прежде всего широкой поддержкой притязаний Марины со стороны казачества – на фоне резкого неприятия этой кандидатуры духовенством и земщиной. Однако раскол войска атамана Заруцкого, с уходом части «сравнительно домовитого» казачества в войско Д. Пожарского и кн. Трубецкого (восстановление иерархий, кооптация казачества с земщиной), требование консенсусного кандидата, «который оказался бы люб той или другой стороне», приведет к отказу «домовитой» (определение проф. Цветаева) части казачества от насилия и, следовательно, от «Воренка как кандидата в цари» (Избрание Михаила Федоровича Романова..., 1913, с. 31)⁹.

творе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, тогда внезапно младенец начал кричать в утробе матери, так что многие ужаснулись от этого крика – преславного чуда, совершившегося с этим младенцем <...> И иерей же, по имени Михаил, разбирающийся в книгах, поведал им из Божественного писания, из обоих законов, Ветхого и Нового, и сказал так: “Давид в Псалтыри сказал, что: “Зародыш мой видели очи твои”; и сам Господь святыми своими устами ученикам своим сказал: “Потому что вы с самого начала со мною”. Там, в Ветхом завете, Иеремия-пророк в чреве матери освятился; а здесь, в Новом завете, Павел-апостол восклицает: “Бог, отец Господа нашего Иисуса Христа, воззвавший меня из чрева матери, чтобы открыть сына своего во мне, чтобы я благовествовал его в странах”» (Житие Сергия Радонежского).

⁸ См. стихотворение «У камина, у камина...» (1917), в котором лирическая героиня качает воображаемого «прекрасного сына», ассоциированного то с младенцем Моисеем, то с «сыном Агари» (Исмаилом), спящим «царским сном» (Цветаева, 1982, с. 191).

⁹ См. иронический портрет дяди, представленного в качестве одного «из самых видных черносотенцев Москвы» (письмо А. Штейгеру от 14 сентября 1936 г. (Цветаева, 2016, с. 704)). Из эссе «Дом у Старого Пимена» узнаем, что исторический сюжет призвания монарха интересовал мать Цветаевой: «Помню, в молодом дневнике матери (около 1895 г.) такую запись: “Была на докладе Д. И. (Иловайского. – С. К.) о призвании на царство Михаила Романова, в присутствии высочайших особ. По Иловайскому выходило, что Михаил

В сочинении Д. Иловайского, сводного деда Марины Цветаевой, также подчеркивается значимость сына Тушинского вора в совместной аванюре неистой Марины и атамана Заруцкого: «Заруцкий с донскими казаками пристал к русскому ополчению, очевидно, питая коварные замыслы. С ним успела сойтись, побывавшая тогда в Коломне, вдова двух самозванцев Марина и склонила его действовать в ее пользу. По всем признакам, Заруцкий имел в виду посадить на престол ее маленького сына, чтобы самому вместе с ней управлять государством» (Смутное время Московского государства, 1894, с. 209). История, однако, обернулась иначе, разбойничий *trip* армии атамана Заруцкого по южному фронтиру государства увенчался взятием Астрахани: «Не один бы нам покорился град...», – эта строка из стихотворения «Кабы нас с тобой да судьба свела...» (Цветаева, 1990, с. 132) является отсылкой к этому историческому факту. Стремительное бегство из Астрахани от восставшего люда (историческая Марина Мнишек запретила церквям звонить в колокола, чтобы не тревожить сон «царевича» – ср. с гремющими колоколами, сопровождающими каждый шаг цветаевской героини в цикле «Стихи о Москве»), плавание по Каспийскому морю и Яику до Медвежьего острова, где самозванцы были сначала пленены разбойничьим атаманом Треней, а потом и московскими стрельцами, становятся закономерным финалом бурной жизни польской авантюристки. Трехлетний сын Марины Мнишек Иван Дмитриевич (Ворёнок) был повешен, любовник Заруцкий посажен на кол, а саму авантюристку сослали в Коломну и заточили в башню¹⁰, где она вскоре умерла «от болезни и от тоски по своей воле» (Русские исторические женщины, 1874, с. 262).

Образ ангелического «серебряного ребенка» в стихотворении «По дорогам, от мороза звонким...», явно периферийно-имплицитный с точки зрения исторического самозваного сюжета, может отсылать к предсмертному сну (деланию / радению) Дарьяльского – главного героя романа А. Белого «Серебряный голубь» (1909)¹¹. В символистской художественной логике хождение в народ / в гущу голубиной общины и итоговое поглощение хаосом народной жизни можно интерпретировать как поиск «внутреннего ребенка» – подлинного «я», сбросившего пути условностей цивилизации. Так, в видении героя романа появляется мистери-

Романов был избран на царство за ничтожество. Смело, но в присутствии родных – неловко» (Цветаева М. И. Дом у Старого Пимена (Цветаева, 1997, т. 5, кн. 1, с. 110)).

¹⁰ В стихотворении «Поздний ответ» («Невидимка, двойник, пересмешник...», 1940, 1961) А. Ахматова упомянет среди множества растворенных в природе локаций своего неуловимого адресата (Марины Цветаевой) и последнюю обитель исторической неистой Марины («Маринкину башню»): «Невидимка, двойник, пересмешник... / Что ты прячешься в чёрных кустах? / То забьёшься в дырявый скворешник, / То блеснёшь на погибших крестах... / То кричишь из Маринкиной башни» (Ахматова, 1998, с. 469).

¹¹ См. в экспозиции эссе Цветаевой «Пленный дух» детскую молитву маленькой Али: «Почему молилась о нем сама трехлетняя Аля? Белый у нас в доме не бывал. Но книгу его “Серебряный голубь” часто называли. Серебряный голубь Андрея Белого. Какой-то Андрей, у которого есть серебряный голубь, а этот Андрей еще и *белый*. У кого же может быть серебряный голубь, как не у ангела, и кто же еще, кроме ангела, может называться – Белый? Все Ивановичи, Александровичи, Петровичи, а этот просто – Белый. Белый ангел с серебряным голубем на руках. За него и молилась трехлетняя девочка, помещая его, как самое любимое – или самое важное – на самый последок молитвы. (Об ангелах тоже нужно молиться, особенно когда на земле. Вспомним бедного уэльсовского ангела, который в земном бытовом окружении был просто *непристойен!*)» (Цветаева, 1997, т. 4, кн. 1, с. 221).

альный образ – «голубиное дитячко, восторгом рожденное и восставшее из четырех мертвых тел, как душ вяжущее единство» (Белый, 1988, с. 233).

В поэтическом диалоге с цветаевским «самозванным» сюжетом находились многие поэты. Причем изначально этот сюжет проявился в устных диалогах со значимыми современниками, предвосхищая появление самозванки в поэтических текстах. Так, в стихотворном послании С. Парнок «Сонет» (1915), обращенном к Цветаевой, впервые появляется образ Марины Мнишек и ясно проговаривается природа связи лирического адресата с ее соименницей, для которой характерно усиление субъектности за счет трансгрессии в мир мужской культуры («следила ты за играми мальчишек...»), движение и неистовость («из колыбели прямо на коня», «неистовства <...> излишек»). Кроме того, героиню стихотворения Парнок характеризует королевская властная природа (акцентирование «королевских» рук, «властолюбивых вспышек»), солнечность – царственная соляность («пепел и огонь кудрей») (Парнок, 2010, с. 44). Эта связь двух Марин определяется не столько по рождению (праву крови), хоть двух Марин сближает польская генеалогия, а по праву личности – носителству политического / поэтического бонапартизма: «...и где твой Лжедмитрий?» (Парнок, 2010, с. 44), – таким риторическим вопросом, отсылающим не только к имплицитному адресату стихотворения, но и к ее знаменитой «соименнице»¹², заканчивается сонет Парнок.

В апреле 1917 г. Волошин упомянет Цветаеву в обзоре «Голоса поэтов» – в одном ряду с Софьей Парнок и Осипом Мандельштамом: «У меня звучит в ушах последняя книга стихов Марины Цветаевой, так не похожая на ее первые полудетские книги, но я, к сожалению, не могу сослаться на нее, так как она еще не вышла» (Волошин, 2008, т. 6, кн. 2, с. 16). В книгу стихов Волошина «Неопалимая купина» (1917–1919) кроме посвященного Цветаевой микроцикла «Две ступени» войдет стихотворение «Dmetrius-Imperator», датированное декабрем 1917 г., в котором взаимовлияние историософских позиций двух поэтов становится очевидным:

А Марина в Тушино бежала
И меня живого обнимала,
И собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу – безглавый
В городе Калуге над Окой,

Умерщвлен татарами и Жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлой рекой,
И кружась по-над Москвою, в гневе
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...
(Волошин, 2003, т. 1, с. 25).

¹² Подобное удвоение адресата стихотворения (двух Марин – Баранович и Цветаевой) через похожий оптический эффект сквозного видения будет позднее использовано Парнок в стихотворении «Ты молодая, длинноногая...» (1929): «...и сквозь тебя, Марина, / Виденье соименницы твоей» (Парнок, 2010, с. 254).

Не будем подробно комментировать множественные отсылки в стихотворении М. Волошина к тексту цветаевских «Верст», книги стихов, тексты из которой Цветаева читала своему другу во время последней встречи осенью 1917 г. В процессе поэтического диалога Волошин вписывает в самозванный контекст образы, на первый взгляд прямо к этому историческому сюжету не апеллирующие (крушение по-над Москвой, шествие с ребенком), но присутствующие в цветаевской книге стихов. Наиболее принципиально, что Волошин принял цветаевское поэтическое прочтение исторического сюжета (стихотворение «Марина» («Димитрий! Марина! В мире...»)), согласно которому все Димитрии, включая погибшего в Угличе и убитого в трехлетнем возрасте сына Мнишек Ивана Дмитриевича (у Волошина – это лирический голос «живого во чреве»), становятся воплощением одной – умирающей и возрождающейся личности¹³, пробуждаемой к жизни исключительно креативной энергией неистой и также вечно перевоплощающейся «Марины»¹⁴.

В стихотворении «Марина» («Димитрий! Марина! В мире...») цветаевская героиня предстает «чернокнижницей» (в годуновских грамотах чернокнижником назывался и сам Лжедимитрий): «Черную свою книжищу / Вынула чернокнижница» (Цветаева, 1990, с. 98). Источником «кружащейся по-над Москвой» героини волошинского стихотворения может быть как образ «Маринки-безбожницы», обернувшейся сорокой и вылетевшей из кремлевских палат (народная историческая песня «Гришка Расстрига», очень важная и для лирических решений Цветаевой), так и начальное стихотворение цветаевских «Стихов о Москве» («Облака – вокруг / Купола – вокруг / Надо всей Москвой / Сколько хватит рук!») (Цветаева, 1990, с. 99))¹⁵. Другой источник эффектного образа неистой Марины, повлиявший и на Цветаеву, и на Волошина, – словесный портрет самозванки в популярных исторических сочинениях. Например, в финале очерка, посвященного Марине Мнишек, Н. Костомаров заключает, что «в народной памяти она до сих пор живет под именем “Маринки безбожницы, еретицы”. Народ воображает ее свирепую разбойницей и колдуньей, которая умела при случае превращаться в сороку» (Костомаров, 1880, с. 683).

Комплекс экспрессивных деталей, актуализированных Волошиным (факелы, обнаженная грудь), прямо отсылает к эпизоду крайнего отчаяния исторической

¹³ Образ умирающего и вечно возрождающего самозванца, восстающего в результате поэтического внушения, в поэтическом мире Цветаевой имеет аналог. Точно так она осмысляла образ певца (протопоэта) Орфея, из мифологического корня которого – захоронения головы и лиры на острове Лесбос, согласно множеству источников, актуализированных Вяч. Ивановым, родилось два вида лиризма – мужской, воплощенный в Алкее, и женский – в Сапфо. См., к примеру, высказывание о Р.-М. Рильке в письме Анне Тесковой: «О Рильке в другой раз. Германский Орфей, то есть Орфей *на этот раз* явившийся в Германии» (Цветаева, 2008, с. 55).

¹⁴ В финале романа Д. Мордовцева «Лжедимитрий» Василий Шуйский, увидевший растерзанное тело царя, в ужасе кричит: «– Да это не он, – не его тащат... Не его убили... Он опять придет... Смертная бледность покрыла лицо зачинщика всего этого дела, и крест задрожал в его руке... Ох, это не он – не он!.. Он змий... Он в Угличе из гроба выполз... Он опять выползет» (Мордовцев, 1996, с. 242).

¹⁵ Лирический сюжет цикла «Стихи о Москве», героиня которого переживает смерть, погребение и новое рождение, тоже не чужд мистериальности.

Марины, присутствующему во всех популярных жизнеописаниях, но с разной степенью детализации, – моменту, когда беременная героиня узнает о гибели своего второго мужа. Точная деталь («обнаженная грудь», потенциально отсылающая к образу амазонки) появляется в историческом повествовании Д. Мордовцева¹⁶:

Весть о смерти царика <Лжедмитрия II. – С. К.> привез в Калугу шут его Кошелев. Марина находилась в последней степени беременности. Услыхав о смерти мужа, она выбежала из города, в сопровождении нескольких бояр, и, сев в сани, отыскала в поле обезглавленное тело царика. Привезши его в Калугу, она ночью с факелом бегала по городу, в разодранном платье, с открытой грудью, с распущенными волосами, и громко молила всех о милости. Преданные ей донцы погнались за убийцами, но те давно скрылись в степи (Русские исторические женщины..., 1874, с. 257–258).

Вероятным источником как цветаевского, так и волошинского поэтического прочтения этого исторического сюжета, предполагающего цепочку новых рождений одной и той же сущности, в которой парадоксально слились мнимость и подлинность, можно считать стихотворение К. Бальмонта «В глухие дни» из книги стихов «Горящие здания» (1900), в последнем четверостишии которого задается тема перерождения царевича Дмитрия в Григория Отрепьева: «Среди людей блуждали смерть и злоба, / Узрев комету, дрогнула земля. / И в эти дни Дмитрий встал из гроба, / В Отрепьева свой дух переселя» (Бальмонт, 2010, с. 216). «Горящие здания» актуализировались в критике 1910-х гг. в качестве сильного текста / одной из «вершин» символистской лирики, на которую должны ориентироваться не только молодые поэты, но и сам автор произведения, давно находящийся в состоянии «падения». Цветаева вносит значимую коррекцию в поэтический сюжет самозванства, смещая волевой центр истории от Дмитрия к Марине Мнишек, превращая последнюю в ее подлинного актора.

В лирике 1916 г. образ Марины Мнишек представлен во многом как alter ego (воплощенная в «другом» возможность «я») самой Марины Цветаевой, как персонафицированное воплощение в далекой истории принципов ее личности. Умиравшие и возрождающиеся благодаря креативной энергии Марины самозванцы, включая самого последнего – во чреве, очевидно апеллируют к представлению о магической возможности поэта, способного в отличие от простого смертного до- и перевоплотиться во множестве сконструированных им же самим телах-текстах. От Самозванца и его облика в исторических трактатах и литературных текстах цветаевская героиня наследует флюидность, представая перед читателем то иноземной захватчицей, воплощением цезаристского (бонапартистского) идеала, то природной русской царицей, возникающей из замеса русской жизни. Волнующий Цветаеву мифологический образ Амазонки в этом сюжете существенно авторизуется: от образа девы-воительницы (богини-девственницы Дианы, польско-русской Иоанны Д'Арк) происходит сдвиг к матери-воительнице, жене всех Самозванцев, к тому же несущей во чреве еще одного (Ворёнка).

¹⁶ У Костомарова и Иловайского этот эпизод крайнего отчаяния также представлен, но портрет героини не детализирован.

Цветаевская «безмерность», важная категория самоописания как собственной личности, так и творческого метода, формирует широкую амплитуду возможностей поэтического образа и позволяет точно вместить свою невероятную героиню в рамки сематических полюсов «органичность» и «инородность»¹⁷. Другим качеством цветаевских самозванцев – и его, и ее – становится бинарность по оборотническому типу (оба героя способны к перерождению и содержат «запасную» сущность внутри). Если в фольклорной версии внутри героя спит зверь, то все цветаевские самозванцы несут внутри другого человека: у Самозванца этой внутренней (спящей и регулярно пробуждающейся) персоной становится подлинный царь, у Марины – наследник – Ворёнок. Таким образом, в поэтическом мире сборника «Версты. Вып. 1» наблюдается движение от исторической конкретики к абстрактному письму, растворению принципов самозванства в метапоэтических метафорах, где этот исторический феномен становится универсальным свойством поэта и поэзии.

Список литературы

Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. 312 с.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: НЛЮ, 2002. 464 с.

Список источников

Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 1. 968 с.

Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. М.: Книговек, 2010. Т. 1. 502 с.

Белый А. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1988. 461 с.

Волошин М. А. Собр. соч.: В 13 т. М.: Эллис Лак, 2003–2015.

Гиршберг А. Марина Мнишек / Рус. пер. с предисл. А. Титова. М.: Изд. Ивана Александровича Вахромеева, 1908. 355 с.

Житие Сергия Радонежского / Подгот. текста Д. М. Буланина, пер. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина, коммент. Д. М. Буланина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4989&ysclid=mgxhwc6rrg594700281> (дата обращения 10.10.2025)

Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. Профессора Д. В. Цветаева, управляющего Московским Архивом Министерства юстиции. М.: Тов-во скоропечатни Левенсон, 1913. 79 с.

Костомаров Н. И. Марина Мнишек // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Господство дома св. Владимира. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. С. 653–683.

¹⁷ Во всех исторических источниках подчеркивается критическая роль приезда в Москву прекрасной полячки (демонстративная чужеродность – «польскость») для судьбы первого Самозванца. Ее появление в Москве становится катализатором народного бунта под националистическими знаменами. При этом она же, спустя небольшое время, аккумулирует под своими знаменами казачество, проявит себя как подлинная русская царица.

- Мордовцев Д. Л. Лжедмитрий // Мордовцев Д. Л. Собр. соч.: В 14 т. М.: Терра, 1996. Т. 12. С. 7–246.*
- Парнок С. Вполголоса. М.: ОГИ, 2010. 312 с.*
- Русские исторические женщины. Популярны рассказы из русской истории. Женщины допетровской Руси. Составил Д. Мордовцев. СПб.: Тип. книгопродавца К. Плотникова, 1874. 367 с.
- Смутное время Московского государства. Соч. Д. Иловайского. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. 343 с.
- Цветаева М. И. Версты. М.: Гос. изд-во, 1922. Вып. 1. 122 с.*
- Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Нью-Йорк: Russica Publ., 1982. Т. 2. 420 с.*
- Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. 800 с.*
- Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Терра, 1997.*
- Цветаева М. И. Неизданное. Семья. История в письмах. М.: Эллис Лак, 2012. 592 с.*
- Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. Болшево: Дом-музей М. Цветаевой в Болшеве, 2008. 512 с.*
- Цветаева М. И. Письма. 1933–1936. М.: Эллис Лак, 2016. 816 с.*

References

- Meykin M. Marina Tsvetaeva: poetika usvoeniya [Marina Tsvetaeva: The Poetics of Assimilation]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoy Publ., 1997, 312 p. (in Russ.)
- Shevelenko I. D. Literaturnyi put' Tsvetaevoy: Ideologiya – poetika – identichnost' avtora v kontekste epokhi [Tsvetaeva's Literary Road: Ideology, Poetics, and Identity of the Author in the Context of the Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 464 p. (in Russ.)

List of Sources

- Akhmatova A. A. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 6 vols. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998, vol. 1, 968 p. (in Russ.)
- Balmont K. D. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 7 vols. Moscow, Knigovek Publ., 2010, vol. 1, 216 p. (in Russ.)
- Belyy A. Izbrannaya proza [Selected Prose]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1988, 461 p. (in Russ.)
- Girshberg A. Marina Mnishek [Marina Mnishek], russkii perevod s predisloviem A. Titova. Moscow, Ivan Aleksandrovich Vakhromeev Publ., 1908, 355 p. (in Russ.)
- Izbranie Mikhaila Fedorovicha Romanova na tsarstvo. Professora D. V. Tsvetaeva, upravlyayushchego Moskovskim Arkhivom Ministerstva yustitsii [The Election of Mikhail Fedorovich Romanov to the Tsardom. Professor D. V. Tsvetaev, Director of the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Moscow, Tov-vo Skoropechatni Levenson Publ., 1913, 79 p. (in Russ.)
- Kostomarov N. I. Marina Mnishek. In: Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. Gospodstvo doma sv. Vladimira [Russian History in the Biographies of Its Most Important Figures. The Reign of the House

of St. Vladimir]. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1880, pp. 653–683. (in Russ.)

Mordovtsev D. L. Lzhedmitriy. In: Mordovtsev D. L. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 14 vols. Moscow, Terra Publ., 1996, vol. 12, pp. 7–246. (in Russ.)

Parnok S. *Vpolgolosa* [In a Half-Voice]. Moscow, OGI Publ., 2010, 312 p. (in Russ.)

Russkie istoricheskie zhenshchiny. Populyarnye rasskazy iz russkoi istorii. Zhen-shchiny dopetrovskoi Rusi. Sostavil D. Mordovtsev [Russian Historical Women. Popular Stories from Russian History. Women of Pre-Petrine Rus'. Compiled by D. Mordovtsev]. St. Petersburg, Tip. knigoprodavtsa K. Plotnikova Publ., 1874, 367 p. (in Russ.)

Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva. Soch. D. Ilovayskogo [The Time of Troubles of the Muscovite State. Works by D. Ilovaisky]. Moscow, Tip. M. G. Volchaninova Publ., 1894, 343 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. *Neizdannoe. Sem'ya. Istoriya v pis'makh* [Unpublished. Family. History in Letters]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2012, 592 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. *Pis'ma k Anne Teskvoi* [Letters to Anna Teskova]. Bolshevo, Dom-muzei M. Tsvetaevoi v Bolshevo Publ., 2008, 512 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. *Pis'ma. 1933–1936* [Letters, 1933–1936]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2016, 816 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 7 vols. Moscow, 1997. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. *Stikhotvoreniya i poemys* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 800 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. *Stikhotvoreniya i poemys* [Poems]. New York, Russica Publ., 1982, vol. 2, 420 p. (in Russ.)

Tsvetaeva M. I. *Versty. Vyp. 1* [Milestones. Issue 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922, 122 p. (in Russ.)

Voloshin M. A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 13 vols. Moscow, Ellis Lak Publ., 2003–2015. (in Russ.)

Zhitie Sergiya Radonezhskogo [The Life of Sergius of Radonezh]. Prep. by D. M. Bulanin, transl. by M. F. Antonova and D. M. Bulanin, comment. by D. M. Bulanin. (in Russ.) URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4989&ysclid=mgxhwc6rrg594700281> (accessed: 10.10.2025).

Корниенко С. Ю. Самозванный сюжет в самоопределении Марины Цветаевой

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Корниенко, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Svetlana Yu. Kornienko, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of Description, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 21.08.2025;
одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 11.09.2025
The article was submitted on 21.08.2025;
approved after reviewing on 11.09.2025; accepted for publication on 11.09.2025*